

ХОТЕЛОСЬ БЫ начать этот маленький рассказ о выставке со сценографии, поскольку мы познакомимся с художником Аршакуни пятнадцать лет назад на постановке моей пьесы «Трень-Брень» в ленинградском ТЮЗе.

Вспоминаю эскизы, на которых был изображен Ленинград, такой яркий, такой красивый, какой, наверно, снится детям в конце лета, когда они начинают скучать по его улицам и каналам. Эскизы как нельзя лучше соответствовали теме и сути пьесы, но мне

нальная, такая долгожданная, выставка.

Удивительно светло и ярко в этом зале. И сразу слышишь слова посетителей: «Карнавал... Праздник... Радость...»

Но на лицевой стене большое полотно, написанное в сдержанных и сильно напряженных изнутри тонах: «Оплакивание. Смерть комиссара». Над убитым воином глыбно, как надгробие, женщина и конь. Рядом с «Оплакиванием» — небольшой вертикальный холст: «Мавзолей и Спасская башня», на нем — Красная площадь, красивая и трагическая, написанная лапидарно в зеленом и красном, и красный цвет такой полыхающий, как боль.

Идешь по выставке, и между яркими полотнами, непосредственными, радостными,

давать названия выставкам, то выставку Завена Аршакуни следовало бы назвать по этой работе.

Вы идете по выставке, всматриваясь в картины, словно читая душу их автора. Вот «Цирк» — картина театрально-фантастическая, каким живет в нас с детства существо цирка; вот «Самовозр», как будто самовозникающий, самотворящийся...

А вот «Весна. Птицы прилетели». На мой взгляд, одна из самых значительных работ художника. Женщина, ожидающая ребенка, радуется весне, прилету птиц. Картина просторная, не загроможденная, в ней много света и пространства, именно того, что нужно для радости рождения.

И разговоры: «Разговор», «Беседа», еще один «Разговор», «Беседа подруг», «В мастерской»... На всех этих полотнах беседа по нескольким человек, иногда двоих. Вернее, даже не беседа, поскольку на них все же молчание единомышленников, то есть та фаза человеческого общения, которое можно назвать опять-таки согласием. Но это уже согласие не с самим собой, как было в ранних работах, а согласие людей, их взаимопонимание. А что в сущности человеческого бытия может быть выше него?

У Завена Аршакуни, как говорят, — счастливая рука. За что бы ни брался художник, он все превращает в красоту. Поэтому так много различных жанров представлено на выставке и обозначено в каталоге. Когда я с ним познакомился, он, кроме живописи, графики и работы в театре, занимался керамикой. Затем он делает (получив мастерскую в Гавани) свою затейливую мебель, столь точно подчиненную чувству и законам народного гения. Кстати, мебель он делал не для выставок: стулья, чтобы сидеть на них, стол, чтобы на нем обедать, шкаф, чтобы хранить в нем хлеб и сахар.

Но вот один экспонат, представленный на выставке, в каталоге не указан — это макет деревенского дома его приемной матери на новгородской земле (ныне Калининская область), на реке Мсте.

Домик выполнен из карандашей. Все в точности, как есть. И крыша покрыта дранкой. И дрова сложены у забора. Но вдруг вам повеет, и художник окажется поблизости, и вы, зная секрет, попросите его поднять крышу домика. Тогда вам откроется и еще один жанр, не указанный в каталоге: настенная роспись. Комнаты верхнего этажа расписаны художником и в натуре, и в макете. Мне больше всего нравится там золотая комната, где на белых стенах сказочный золотой лес с дивными золотыми плодами. И печь-плита на кухне, где по беленым стенам гуляют синие и красные кони.

Люди спорят, откуда у художника эта яркость, эта открытость цвета, раскованность. На мой взгляд, прежде всего от большой живописной культуры, от большого дарования и чистоты. Последний эпитет я отношу не только к мышлению художника, но и к его работам тоже. Все работы Аршакуни мне представляются как бы умытыми студенкой водой — водой родников новгородской земли, к которой художник идет, чтобы снова и снова наполнить и глаза и душу ее цветом.

ЦВЕТ РАДОСТИ И ЦВЕТ ПЕЧАЛИ

В выставочном зале Ленинградской организации Союза художников открыта выставка произведений Завена Петросовича Аршакуни.

подумалось, что это не случится, что никто не возьмет на себя смелость показать Ленинград таким. Ведь до последнего времени наш город писали скорее акварельно, где преобладали цвета нежные, неяркие.

И вот много лет идет в ТЮЗе этот спектакль: уже выросли его первые зрители, проводили на этот спектакль своих детей.

После «Трень-Брень» художник оформлял многие спектакли в разных театрах: «Наш цирк», «Радуга зимой», «Наш Чуковский», «Дальний родственник», «Пеппи Длинныйчулок», «Ураган», «Кошка, которая гуляла сама по себе», балет А. Хачатуряна «Гаянэ» на сцене Малого оперного театра — список значительный для живописца. И во всех своих театральных работах Завен Аршакуни оставался верен начатой в своей первой постановке высокой тональности цвета, его ликующего присутствия на сцене.

Тогда — давно — я пришел к художнику домой, мастерской у него еще не было. Он заканчивал полотно, называемое «Работницы», и начинал другое — «Фарфор». Рядом с этими двумя мне хотелось бы вспомнить и более раннюю его работу — «У окна». Все три произведения смыкаются, на мой взгляд, своей внутренней сутью, темой, которую я назвал бы «согласие». На всех трех холстах изображены люди в состоянии равновесия между желаемым и содеянным, в согласии с собой, своим делом и своим умением.

В этих картинах, безусловно, был свет хорошо изученной художником европейской и русской культуры, но тяга к русскому, пожалуй, преобладала. В них мне смутно виделись образы рублевской «Троицы», свет ее согласия и молчания.

Далее был долгий упорный труд, отказ от многих благ, иногда даже и от необходимого, ради внутренней безукоризненности и покоя души, что является почвой — землей, в которой только и могут прорасти цветы. И вот его первая персо-

иногда даже лукавыми, висят небольшие по размеру холсты, написанные притушенно. Они, словно уголья, слегка прикрытые золой, — дунь — тут же разгорятся: «Птицы», «Красные птицы», «Птицы прилетели». На этих полотнах над луковницей деревенской церкви две птицы летят навстречу друг другу, как-то тревожно, словно вот-вот столкнутся...

А вокруг все радуется, пышет и цветет. Цветы, цветы и женщины в цветном. Все щедро, изобильно. Мне видится за этим мальчик-сирота (мать умерла в блокаду), рисующий цветы победы, рисующий салют победы и плачущий. Сразу после войны соседи отвели мальчишку в среднюю художественную школу при Институте имени Репина, знаменитую ленинградскую СХШ. Наверное, все годы учебы в нем жило желание писать праздник, как жило оно, собственно, у всех художников, опаленных войной. Но ведь неразделимо это: радость победы и скорбь утрат.

Нетрудно вообразить себе утренние безлюдные залы выставки и Завена Аршакуни один на один со своими работами, ведь и он видит впервые созданное им вот так — все сразу. И какое из направлений, живущих сейчас в художнике, приобретет от этого полного и абсолютного общения со своими работами новую силу?

Мне видится трагический художник; вот его серия гравиур на тему «Хатынской повести» О. Адамовича: «Оплакивание», «Отчаяние», «Родной дом», «Смерть», «Сожжение», «Ужас войны». Но рядом: «Невеста», «Натюрморт с кувшином», «Цветы», «Цветы в синем стакане»... Куда пойдет художник? Скорее всего оба цвета — цвет радости и цвет печали — будут всегда соперничать в его работах.

Это и в полотне «Праздник Победы на Неве», написанном художником два года назад, где над ликующими ритмами ярких флагов возвышается черный силуэт военного корабля. И все же картина эта прежде всего — праздник. И цвет радости на ней главенствует. Если бы было принято

Радий ПОГОДИН,
писатель